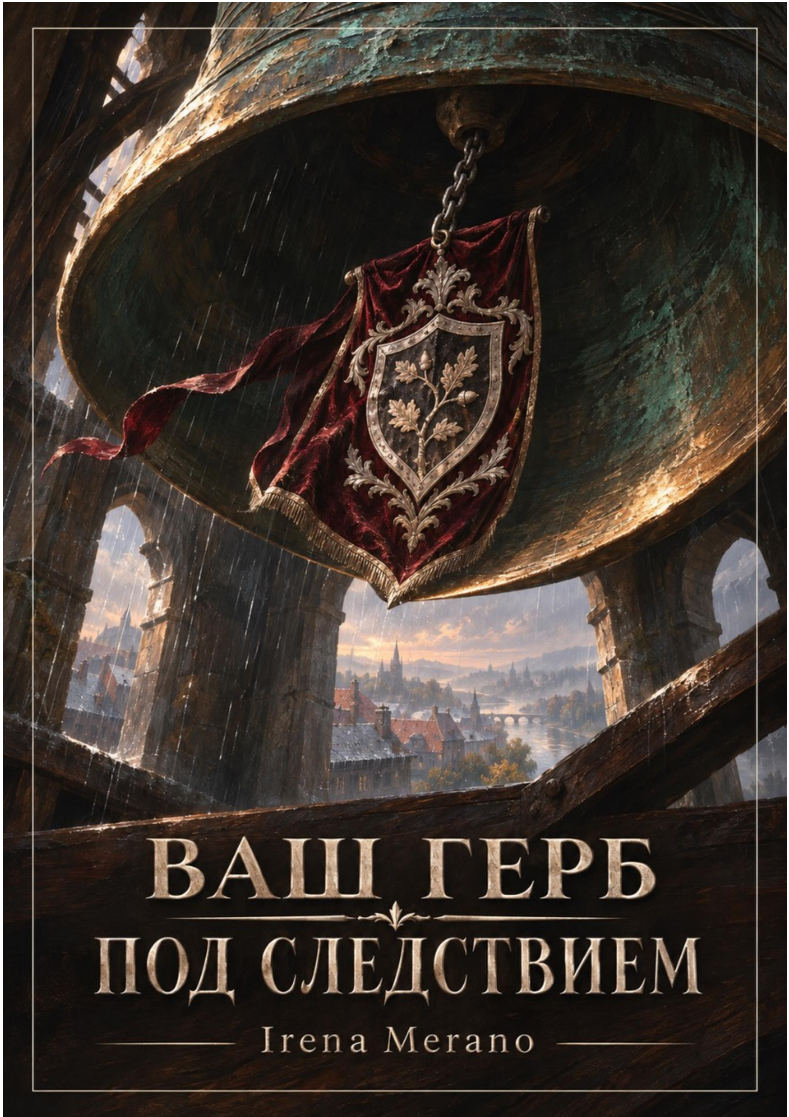

ВАШ ГЕРБ
ПОД СЛЕДСТВИЕМ
Irena Merano

Irena Merano

Ваш герб под следствием

https://litres.ru/74760503
SelfPub; 2026

Аннотация

Меня похитили в другой мир ради работы. Теперь хотят заплатить, чтобы я её не закончила.

Я реставратор. Умею замечать то, что старательно прячут: чужой стежок, подменённую ткань, след уничтоженного герба. Здесь за такими мелочами стоят человеческие судьбы.

Мне предлагают деньги и дорогу домой. Нужно только перестать задавать вопросы.

Но я уже встретила тех, кто останется.

И Ровеля — мужчину, к которому меня тянет всё сильнее, хотя в моём расследовании слишком часто возникает его имя.

Он хочет знать, что я нашла.

А я хочу понять, кем он станет, когда узнает.

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Ваш герб под следствием

Ваш герб под следствием

Роман

Irena Merano

Глава 1

Три вырезанных слова

Мужчина в гробу задолжал мне четыре серебряных монеты.

Ещё вчера он стоял в моей мастерской, выбирал, куда положить шляпу, и сердился, когда я попросила повторить последнее условие заказа.

— На похоронах меня назовут другим именем, — сказал он. — Вы не должны их поправлять.

Я решила, что ослышалась. Девятнадцатый день в чужом мире ещё позволял надеяться на ошибки перевода.

Теперь распорядитель читал над его телом:

— Эрвен Сольд, хранитель западной ветви, супруг и отец, верный своему дому до последнего часа…

У меня в сумке лежала расписка. Вчерашний посетитель подписал её: «Марен Дерн».

Я стояла у третьей колонны, как он и просил. Слева пахло тёплым воском, справа тянуло холодом из приоткрытой двери. Впереди собрались люди, среди которых у меня не было ни одного знакомого. Они слушали распорядителя внимательно, почти напряжённо. На слове «отец» одна женщина отвела взгляд. Седой мужчина рядом с ней поправил перчатку, прикрыв ей пальцы.

Гроб был открытым.

На правой руке покойника, между большим и указательным пальцами, темнела маленькая точка. Я видела, как она появилась. Он сам предложил придержать ткань, я предупредила, чтобы не двигался, и всё-таки уколола его, когда за окном с грохотом опустили ставню.

Он выругался. Я дала чистую салфетку.

Теперь хотелось увидеть этот прокол ближе. До тех пор, пока я стояла у колонны, ещё можно было считать, что в гробу похожий человек.

Вдова сидела отдельно, возле головы покойного. Плотная вуаль скрывала лицо. На коленях она держала узкий кошелёк и всё время разглаживала большим пальцем один и тот же участок кожи.

Я вспомнила второе условие.

— Моя жена сделает вид, что вас не знает. Позвольте ей.

— Она действительно меня не знает.

— Тогда это будет нетрудно.

В мастерской его ответ показался неприятной шуткой. Здесь мне стало ясно, что смеяться он и не собирался.

Распорядитель закрыл книгу. Собравшиеся поднялись, и я отступила от колонны, пропуская женщину в тёмно-синем. На её броши был серебряный олень. Он стоял на трёх ногах, четвёртую поджав к животу, и смотрел через плечо хозяйки прямо на меня.

Когда она прошла, изображение снова сделалось плоским.

За девятнадцать дней к такому полагалось привыкнуть. Я привыкла лишь к тому, что никогда не замечаю первого движения. Звери на гербах начинали шевелиться, стоило мне посмотреть в другую сторону, и часто замирали под взглядом. Как будто не они были здесь необычными, а я вела себя бестактно.

Дома я чинила старые ткани. Здесь, похоже, ткани иногда смотрели на меня в ответ.

Поднялись не все. Вдова осталась на своём месте. Двое служителей заняли проход к гробу; один держал длинный футляр, перевязанный чёрной лентой.

Я узнала этот футляр. Вчера он лежал поперёк моего рабочего стола.

Распорядитель повернулся к колоннам.

— Мастер Северина.

Несколько человек обернулись. Теперь можно было уйти только демонстративно.

Я подошла.

*

Заказчик явился без слуги, хотя одежда стоила дорого. Это я уже научилась замечать: здесь цену выдавали не украшения, а количество ручной работы, которую никто не прятал. Его рукава были подогнаны так, чтобы ткань не морщилась даже на согнутом локте.

Но верхнюю пуговицу он застегнул не в ту петлю.

Он сразу заплатил за осмотр. Положил монеты на чистую

бумагу, не на ткань, и этим расположил меня к себе раньше, чем следовало.

В футляре лежало небольшое знамя. По чёрному полю шли вышитые серебром ветви, в центре оставалось пустое овальное место. Нижний край был подвёрнут трижды и стянут толстой лентой. Для траурной вещи слишком грубо. Для временного крепления слишком тщательно: каждый узел был спрятан с изнанки, а концы нитей обрезаны вплотную.

— Что требуется сделать?

— Открыть нижний шов. При свидетелях, после прощания.

— Для чего?

— Под ним родовая запись. Её должны прочесть.

Я поднесла полотно к свету. Внутри подгиба что-то легонько щёлкнуло. Посетитель перехватил край прежде, чем я успела перевернуть ткань.

— Осторожнее.

Я посмотрела на его пальцы.

Он убрал руку.

— Простите. Мне сказали, вы уже работали с живыми основами.

Слишком щедрое описание моей карьеры. До этого я укрепила две рамки, помогла снять перекошенное крепление с домашнего щита и вернула на место оторванную подкладку. Хранитель со щита, маленькая круглая птица, всё время пытался клюнуть меня в запястье. После работы он

уснул прямо на счёте.

— Я умею обращаться с тканью, — сказала я. — Всё остальное проверяю у людей, которые знают больше.

Гость не стал ни льстить, ни торопить. Сел возле двери и дождался, пока я пошлю мальчика к герольду за разъяснением. Это понравилось мне ещё больше монет на бумаге.

Ответ принесли на узкой полоске пергамента. При жизни владельца связь удерживает сам владелец; после смерти нагрузка переходит в крепления, и вмешиваться в них без проверки нельзя. К полоске приложили схему и поставили служебную печать. Я сравнила её с оттиском на прежнем разрешении. Они совпали.

Посетитель прочитал ответ, поднёс ладонь к знамени. На вышитых ветвях проступил тёплый отблеск, хотя света в комнате не прибавилось. Одного этого для работы мне было недостаточно, но связь с полотном у него действительно имелась.

— Сначала осмотр, — сказала я. — Никаких обещаний заранее.

— Разумеется.

Он согласился со всем слишком легко. Я заметила это, но только после того, как он ушёл.

Пока я смотрела швы, заказчик достал из кармана яблоко. Не стал есть: держал в ладони, время от времени поворачивая тёмным боком вниз. На столе от него оставался запах холодного погреба.

— Вас что-нибудь тревожит? — спросила я.

Он посмотрел на яблоко, будто забыл, что оно у него.

— На похоронах не будет цветов. Если принесут, попросите убрать.

— Я не распорядитель.

— Я знаю.

Он положил яблоко обратно в карман.

Я написала заключение местными буквами. Медленно, сверяясь со словариком, который составляла для заказов. Слова «повреждение», «подкладка» и «не трогать» у меня уже получались почти без ошибок.

Последнюю фразу пришлось переписать на отдельный лист:

«Нижний шов допустимо распустить при живом владельце».

Под ней я начала список условий осмотра, потом отвлеклась на его просьбу придержать ленту. Тогда и уколола руку.

В конце разговора он объявил про другое имя и вдову.

— Вы собираетесь изобразить собственные похороны? — спросила я.

— Нет.

— Тогда зачем вам моё заключение о работе при живом владельце?

— Оно понадобится, если всё пойдёт правильно.

Я отложила перо.

Видимо, выражение лица у меня было достаточно понят-

ным: он подвинул стул ближе и заговорил совсем другим тоном, негромко и устало.

— Госпожа Северина, завтра я должен присутствовать на прощании с человеком, чьё имя носил. Там будут люди, которые не простят мне, если я заговорю первым. Мне нужен независимый мастер. Вы осмотрите знамя и скажете, можно ли вскрывать шов. Скажете правду, какой бы она ни оказалась. Только это.

— А если я скажу, что нельзя?

— Значит, нельзя.

На таких условиях можно было согласиться на выезд. Я записала: «Осмотр. Работа только после отдельного разрешения». Он подписал расписку, забрал футляр и оставил аванс.

Черновик заключения остался у меня. Я заперла его в ящике вместе с пергаментом герольда.

Перед уходом посетитель остановился у порога.

— Если понадобится уйти раньше, не пользуйтесь дверью для родственников.

— Почему?

— Там лестница без перил.

Теперь я смотрела на его мёртвое лицо и пыталась вспомнить, кто последний раз приходил в мастерскую после него.

*

Служитель открыл футляр. Знамя уложили на узкий стол у гроба. На нижнюю ленту уже поставили два восковых от-

тиска, которых вчера не было.

— Перед вскрытием подтвердите, что предмет не подменён, — сказал распорядитель.

Я не ответила. Слишком близко лежала правая рука покойного.

Прокол был на месте. Рядом виднелась слабая царапина от заусенца на моей игле. Я собиралась заменить её вечером и забыла.

— Мастер?

— Кто осматривал умершего?

— Целитель дома. Заключение заверено.

— Можно его увидеть?

Мне показали документ. Я разобрала имя, дату и формулировку, которую пришлось попросить прочесть вслух. Сердце остановилось утром, до первого колокола. Признаков внешнего насилия не обнаружено.

Слова «внешнего насилия» я попросила повторить.

За спиной кто-то нетерпеливо вздохнул.

— Нам необходимо закончить до полудня, — сказал распорядитель. — Прежде чем родовой отклик перейдёт к следующему носителю.

Я посмотрела на знамя. Ветви оставались тусклыми, пустой овал в центре — совершенно чёрным. Нижняя лента была натянута сильнее, чем вчера. Её край врезался в ткань, оставив мелкие складки.

— Я осмотрю, — сказала я. — Вскрывать пока не буду.

Это почему-то произвело большее впечатление, чем вопрос о смерти. Служитель опустил крышку футляра. Женщина с оленем перестала шептаться с соседом.

Вдова поднялась.

Она двигалась осторожно, будто затекла спина. Подойдя, положила кошелёк рядом с моими инструментами.

— Муж просил передать остаток платы.

Голос был низким. За вуалью я различила бледный подбородок, больше ничего.

— Я ещё не закончила работу.

— Он знал.

Она повернулась к гробу. Одним пальцем поправила складку на рукаве покойного, потом отдёрнула руку так резко, словно обожглась.

Я отвела взгляд. Раскрыла кошелёк, чтобы пересчитать деньги при свидетелях.

Внутри лежали четыре монеты и узкий лист бумаги.

У верхнего края — пятно от моего чайника. Внизу — неровная буква, которую я исправила, проведя вторую черту поверх первой.

Я развернула лист на ладони.

«Нижний шов допустимо распустить».

Дальше бумага была вырезана. Узкое длинное отверстие ровно на три слова. Нижняя часть со списком условий сохранилась.

Я посмотрела на вдову, но она уже отступила к креслу.

Этот лист лежал в запертом ящике. Утром, перед выходом, я доставала оттуда деньги и видела его под разрешением герольда.

С того момента прошло меньше часа.

— Что там? — спросил распорядитель.

Я сложила бумагу по прежнему сгибу. Справилась не сразу: пальцы плохо слушались.

— Личная записка.

— Мы можем продолжать?

— Нет.

Теперь вздохнули сразу несколько человек.

— Госпожа Северина, вы дали письменное заключение.

— На каких условиях?

Он протянул руку к одному из служителей. Тот достал из папки лист, украшенный оттиском дома Сольд. Мой черновик был переписан набело. Аккуратно, без ошибок, с сохранением нумерации условий. Подписи моей не было. Вместо неё стояло заверение, что текст получен от мастера в присутствии свидетеля.

Свидетелем значился Марен Дерн. Ниже стоял второй, совсем маленький оттиск. По его ободку шли пять насечек; у последней металл, видимо, выкрошился. Внутри теснились незнакомые буквы.

— Кто сверял с оригиналом?

Распорядитель прикрыл нижний край большим пальцем.

— Заверение действительно.

Я сдвинула собственный лист так, чтобы длинный вырез оказался рядом с ровными строками копии. Теперь разницу видели и люди за его плечом. Женщина с оленем первой отвела глаза.

— Пусть человек, который сверял, посмотрит ещё раз. При мне.

Распорядитель не позвал никого. Он повернул лист ко мне текстом вверх и подвинул к самой кромке стола, предлагая взять. Мне пришлось убрать руки: вместе с бумагой на них лёг бы нижний край знамени.

Только после этого я заметила, что приготовленный для меня стул стоит вплотную к футляру. Сесть, прочесть, принять — каждое движение по отдельности выглядело вежливостью.

Под заключением переписали и мою расписку. Я положила рядом собственный экземпляр: в копии отсутствовала строка об отдельном разрешении. Вместе эти изменения обещали куда больше, чем я соглашалась сделать.

— Я не утверждала этого текста.

— Подлинник у вас в руках, — заметил распорядитель.

Мне стало холодно.

Он знал, что лежало в кошельке.

По крайней мере, знал достаточно, чтобы назвать бумагу подлинником, ни разу не заглянув внутрь.

— Подлинник повреждён, — сказала я.

— При передаче?

— До неё.

— Кто-нибудь видел?

Я оглянулась на вдову. Она сидела неподвижно, положив ладони на пустые колени.

У дальней стены негромко открылась дверь.

Ровеля Арденса я узнала прежде, чем увидела лицо. Кто-то в проходе шагнул в сторону, другой выпрямился. Герцог не стал ждать, пока его заметят остальные. Подошёл к столу, посмотрел на знамя, потом на мои раскрытые ножницы.

— Вы уже начали?

— Нет.

Он выдохнул.

Ровель был без плаща, с мокрыми волосами у висков. На рукаве тянулась светлая полоса извести. Обычно его появление выглядело заранее предусмотренным, даже когда он приходил незваным. Сейчас он остановился слишком близко к столу и едва не задел футляр.

Я смотрела на эту полосу и понимала, что он добирался сюда не через главный вход.

— Ваша светлость, — начал распорядитель.

— Кто пригласил мастера?

— Покойный оставил распоряжение.

— Я спросил, кто его передал.

Распорядитель повернулся к вдове. Та не подняла головы.

Ровель увидел заключение. Пробежал глазами строки, остановился на имени свидетеля.

Потом посмотрел в гроб.

Я ждала удивления. Он только медленно сжал пальцы на краю стола.

— Вы его знаете?

— Здесь не место.

— Он вчера был у меня. Сегодня кто-то украл мою бумагу и превратил её в разрешение на работу, которую я запретила.

— Уберите инструменты.

— Ответьте.

Он наклонился ближе. От него пахло дождём и холодным камнем.

— Нелия, пожалуйста. Сначала уберите ножницы.

Он редко произносил моё имя. Обычно я замечала это с некоторым раздражением на себя. Сейчас мне хотелось, чтобы он снова назвал меня госпожой Севериной и объяснил, почему не удивлён мёртвому заказчику с двумя именами.

Я закрыла ножницы, но в сумку не положила.

Распорядитель сделал знак служителю.

— Если мастер отказывается, дом воспользуется собственным специалистом.

Служитель вынул из футляра маленький нож с костяной рукоятью.

Тогда вдова подняла вуаль.

Я увидела измученное лицо женщины лет сорока. На щеке, возле уха, остался след от туго затянутой завязки.

— Нет, — сказала она.

— Госпожа Сольд…

— Вы обещали, что только она.

В комнате стало очень тихо.

Распорядитель посмотрел на служителя. Тот убрал нож.

Вдова снова закрыла лицо. Но я успела заметить, что смотрела она не на покойного. На нижний край знамени.

Ровель забрал со стола заверенную копию. Распорядитель потянулся за ней; герцог отступил ровно настолько, чтобы тот не достал.

— Документ останется при деле, — сказал распорядитель.

— Он при нём и останется. До проверки подписи свидетеля.

— Свидетель умер.

— Вы назвали его другим именем.

Наконец кто-то произнёс это вслух.

Я ждала, что собравшиеся возмутятся. Женщина с оленем наклонилась к соседу. Седой мужчина отвернулся. Никто не спросил, о чём речь.

Они знали.

Возможно, не всё. Но достаточно, чтобы не удивляться.

Ровель взял меня под локоть. Я высвободилась, забрала расписку, кошелёк и черновик. Он не стал препятствовать. Только когда я потянулась к футляру, положил ладонь поверх крышки.

— Его оставьте.

— Я должна проверить, что под лентой.

— Сейчас вы ничего ему не должны.

От этого «ему» мне захотелось посмотреть в гроб ещё раз. Ровель встал так, что заслонил тело.

Я убрала ножницы в сумку.

*

Он повёл меня к двери справа. Я остановилась.

— Это выход для родственников?

— Да.

— Мне велели им не пользоваться.

Ровель обернулся.

— Кто?

— Он. Сказал, там лестница без перил.

Герцог несколько мгновений смотрел на меня. Потом открыл дверь.

Лестницы за ней не было.

Тянулся широкий коридор с низким потолком. У стены стояли складные скамьи, кувшины, корзина с использованными свечами. На полу лежали два длинных чёрных чехла. Дальше, у следующей двери, служитель менял табличку в латунной рамке.

Ровель вернулся на шаг и плотно прикрыл за нами дверь зала.

— Дайте бумагу.

— Нет.

Он посмотрел на мою сумку, потом на лицо.

— Хотя бы покажите.

Я развернула черновик, удерживая его за верхний угол. Ровель прочитал оставшуюся строку.

— Чего не хватает?

— «При живом владельце».

Он провёл пальцем рядом с вырезом, не касаясь края.

— Вы уверены?

— Я это написала вчера.

— А сегодня видели целым?

— Утром.

Вопрос был правильным. Мне не понравилось, как быстро он его задал.

Из зала послышались шаги. Мы оба замолчали. Кто-то двигал стол, ножки протяжно скребли по камню. Потом раздался глухой стук: закрывали гроб.

Ровель протянул руку, показывая, чтобы я подождала, и направился к служителю с табличками.

Я осталась у стены. Посмотрела на вырезанные края. Бумагу не рвали и не резали на весу: нижняя линия получилась почти прямой, верхняя чуть выгнулась там, где лезвие встретило плотный участок. Работа человека, который торопился, но умел держать нож.

На обороте возле отверстия сохранились три крохотных тёмных следа. Сначала я приняла их за чернила. Провела ногтем по одному — он оказался вдавленным.

Я поднесла лист ближе к свету.

Три точки образовывали ровный ряд. Так прокалывают

несколько сложенных листов перед переплётом.

Мой черновик был частью другой, уже сшитой бумаги.

Кто-то не просто унёс его из ящика. Успел подшить к документу, вырезать условие, снова вынуть и принести сюда.

За час.

Сквозняк поднял край чёрного чехла у стены. Под ним лежала деревянная планка с вышитым знаком: птица, обвившая шею длинным хвостом. Птица шевельнулась, повернула голову ко мне и осторожно приподняла левую лапу.

Так же, как олень на броши.

Я наклонилась, но из двери зала вышли четверо мужчин с закрытым гробом. Пришлось отступить. Они не направились к выходу во двор, откуда доносились голоса провожающих. Понесли гроб дальше по коридору.

— Подождите, — сказала я.

Ближайший носильщик даже не повернул головы.

Ровель стоял у следующей двери. Служитель с табличками исчез. Герцог смотрел на лист, который держал в руках, и в первый раз за время нашего знакомства я увидела, что он не знает, что делать.

Гроб внесли в соседний зал.

Там тоже горели свечи.

Я успела заметить людей в трауре, старую женщину в высоком кресле, приготовленный стол с белым покрывалом. Никаких цветов. На стене висел пустой щит.

Дверь закрылась, и почти сразу за ней прозвучал голос

другого распорядителя. Первых слов я не разобрала. Последние услышала отчётливо:

— …Марен Дерн, верный своему дому до последнего часа.

Я подошла к Ровелю.

— Они хоронят его снова.

Он не ответил.

Лист у него в руках был обычной ведомостью. Я узнала столбцы времени: похожие висели у перевозчиков на пристани. Только здесь указывались залы, порядок внесения тела и имя для каждого прощания.

Семь строк.

В первой стояло имя Эрвена Сольда. Во второй — Марена Дерна. Рядом с обеими имелись отметки об оплате.

Ровель закрыл нижнюю часть листа ладонью.

— Не здесь, — сказал он.

Я убрала его руку.

Последнее прощание назначили на вечер. Зал был ещё не определён, в графе оплаты стоял прочерк. Зато имя уже внесли. Чётко, без исправлений, теми самыми буквами, которые я училась писать по нашему договору.

Ровель Арденс.

Я подняла глаза. Герцог смотрел на дверь, за которой второй раз прощались с моим заказчиком.

Он был рядом, тёплый и живой. Когда я схватила его за запястье, под пальцами ударился пульс.

Из соседнего зала донёсся плач.

Ровель перевернул ведомость.

— Теперь, — сказал он, — вы понимаете, почему нельзя было распускать шов?

Нет. Теперь я понимала только, что он знал о шве до того, как увидел моё заключение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.